

На правах рукописи

Фокина Ольга Николаевна

**Эволюция древнерусского четъего сборника как народной
книги в историко-литературном контексте XVII–XVIII вв.**

Специальность 10. 01. 01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Екатеринбург
2009

Работа выполнена на кафедре древних литератур и литературного источниковедения ГОУ ВПО «Новосибирский государственный университет»

Научный консультант: доктор филологических наук,
профессор
Елена Ивановна Дергачева-Скоп

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Тамара Васильевна Панич

доктор филологических наук,
профессор
Александр Валерьевич Пигин

доктор филологических наук,
доцент
Лариса Степановна Соболева

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Защита состоится «30» июня 2009 г. в__ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького»

Автореферат разослан «___» _____2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

М. А. Литовская

Общая характеристика диссертации

Древнерусский четий сборник является самобытным феноменом русской литературы. Как форма бытования литературных произведений, «свод» и ансамбль, представляющий целостное единство, сборник отразил характерные особенности литературного процесса XV–XVIII вв.

XVII в. в истории русской литературы имеет значение «переходного» к литературе нового времени. В этот период перестраивается вся система литературы: меняется жанровый состав, появляются новые автор и читатель, индивидуальные авторские стили, происходит социальное расширение литературы¹. Однако глубокие изменения не затрагивают такие важные аспекты, как рукописная форма бытования литературы и преемственность литературной традиции. Демократизация литературы привела к появлению нового поколения сборников. Составители сборников включают в ансамбли статей, сохраняющих старую четью традицию, произведения XVII в., с которыми в литературу вошли новые темы и идеи, принципы изображения и художественные средства.

В XVIII в., в период формирования литературы классицизма и Просвещения, положение и значение рукописного сборника в системе литературы меняется, он перемещается на второй план литературного процесса, в область народного чтения. В диссертации исследуется эволюция древнерусского четьего сборника в новых исторических условиях XVII и XVIII вв. Четий сборник рассматривается в историко-литературном контексте, анализируется изменение состава и видов сборника на протяжении двух веков. Особое внимание уделяется отношениям текста и контекста (повесть в ансамбле сборника и в рукописной традиции, цитаты, реминисценции, аллюзии; циклизация статей в сборнике). Исследование эволюции древнерусского четьего сборника свидетельствует об устойчивости его метажанровых признаков и изменчивости сборника в социо-культурном пространстве эпох.

---

¹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили // Лихачев Д. С. Избранные работы : в 3 т. Л., 1987. Т. 1. С. 171–201.

Степень научной разработанности проблемы.

О рукописных сборниках писали многие исследователи: В. А. Яковлев, В. П. Адрианова-Перетц, М. Н. Сперанский, Д. С. Лихачев, О. В. Творогов, О. П. Лихачева, Р. П. Дмитриева, Н. Н. Розов, Е. И. Дергачева-Скоп и В. Н. Алексеев, Т. В. Черторицкая, Л. С. Соболева и др. В работах М. Н. Сперанского, Н. Н. Розова, Е. И. Дергачевой-Скоп, Л. С. Соболевой был рассмотрен ряд вопросов, имеющих значение для понимания важных моментов истории рукописного сборника поздней традиции (классификация сборников XVIII в., характерные для своего времени и незаурядные в художественном отношении сборники, их генезис и связь со средой бытования). Системный подход к феномену сборника был представлен в работах Е. И. Дергачевой-Скоп². Исследователь рассматривает четый сборник как «своеобразный “микромир”, благодаря которому произведение, входящее в сборник, получает необходимые черты (характеристики) для включения его в литературный “макромир” эпохи. “Макромир” наиболее устойчив к изменениям, и тенденции развития литературы можно уловить, прежде всего, в более чутком к новому, в более подвижном “микромире”»³.

Рукописные сборники, как правило, рассматриваются в текстологических исследованиях памятников литературы XII–XVII вв. Принципы комплексного изучения текста в сборниках переменного состава были описаны Д. С. Лихачевым. Исследователь подчеркивал, что «изучение текста произведения в тесной связи с его окружением в составе сохранившихся рукописей должно быть признано одной из важных задач историков древней русской литературы»⁴. Несмотря на то, что эволюционные аспекты истории четьего сборника не были обойдены вниманием исследователей, проблема эволюции древнерусского четьего сборника в XVII–XVIII вв. не рассматривалась. Между тем эти этапы жизни сборника в литературе

---

² Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Книжная культура старообрядцев и их четья литература. К проблеме типологии чтения // Русская книга в дореволюционной Сибири. Археография книжных памятников. Новосибирск, 1996. С. 9–39; Дергачева-Скоп Е. И. Средневековая русская книга и литература // Фокина О. Н. Литературная история «Повести о бражнике» и проблема народной книги: текст и контекст. Новосибирск, 1995. С. 10.

³ Дергачева-Скоп Е. И. Средневековая русская книга и литература. С. 10.

⁴ Лихачев Д. С. Текстология : На материале русской литературы X–XVII веков. Л., 1983. С. 260.

«переходного» периода и Нового времени является очень важными как для понимания самого феномена четьего сборника, так и для выяснения особенностей ряда явлений новой литературы.

В текстологическом исследовании «Повести о бражнике», проведенном автором диссертации, особое внимание уделялось окружению повести в сборниках. Изучение рукописной традиции «Повести о бражнике» и сборников, содержащих произведения народно-городской литературы XVII в., позволило поставить ряд вопросов, которые являются до сих пор неисследованными: генезис, структурные и содержательные аспекты рукописных сборников XVII в., их художественные особенности; векторы и историко-литературные факторы эволюции сборников; видовое разнообразие поздних сборников; значение сборников поздней традиции в истории русской литературы XVIII–XIX вв. Поставленные вопросы определяют **актуальность** исследования.

Новизна работы определяется тем, что четьи сборники рассматриваются как система, имеющая свои структуру, внутренние и внешние связи с рукописной традицией и историко-литературным контекстом. Проблемы эволюции сборников рассматриваются на материалах литературной истории «Повести о бражнике», дополненной новыми списками; рассматриваются сборники XVII–XIX вв., содержащие произведения демократической сатиры и другие повести XVII в.

Источниками и объектом исследования послужили рукописные сборники XVII–XIX вв. из собраний ИРЛИ, ГИМ, РГБ, РНБ, ТФ ГАТО и др. (более 150 сборников).

Цель исследования: выявление закономерностей эволюции древнерусского четьего сборника в историко-литературном контексте XVII–XVIII вв.

Задачи исследования:

1. Изучить состав, структуру, генезис сборников XVII в., проблему вхождения новых текстов в контекст сборника.
2. Рассмотреть контекст и историко-культурные факторы развития сборников XVII–XVIII вв.

3. Рассмотреть сборники в системе «составитель сборника – читатель», записи в сборниках как форму «присутствия» создателей сборников и читателей, значение записей как структурного элемента сборника.

4. Выявить структурно-типологические особенности рукописных сборников, свидетельствующие об эволюции представлений о чтении.

5. Определить художественное своеобразие и культурно-историческое значение сборников поздней рукописной традиции.

Методы исследования.

В основу настоящего исследования положен системный подход, используются текстологический, историко-функциональный и типологический методы. Произведение, входящее в сборник, рассматривается как система со своей внутренней структурой и как элемент более сложной системы (текст и контекст). Эволюционные аспекты системного подхода были намечены в работах Ю. Н. Тынянова. Он писал о структурно-функциональном и динамическом свойствах текста, о литературной эволюции, о литературе как «динамической речевой конструкции», о связи литературы с внелитературными системами, о том, что литературное произведение и литература в целом являются системами⁵. Идеи Ю. Н. Тынянова получили развитие в работах Ю. М. Лотмана по поэтике и И. Эвен-Зоар по теории полисистемы в культуре.

В настоящей работе трактовка текста в его соотнесённости и связях с контекстом является основополагающей. Она предполагает взгляд на произведение и включающий его сборник не как на изолированные, но связанные в процессе эволюции явления, которые изменяются в зависимости от историко-литературного и историко-культурного контекста.

Теоретическая значимость работы.

В диссертационной работе выявлены векторы и этапы развития четьего сборника в XVII в., «переходном» от литературы средневекового типа к литературе Нового времени, и в литературе XVIII в. Полученные результаты раскрывают ряд характерных особенностей становления и развития демократического

---

⁵ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 261, 271, 255–281.

направления в русской литературе XVII в. Исследование показало актуальность четьего сборника старой традиции в круге народного чтения в XVIII в. Полученные результаты позволяют представить четий сборник в литературном пространстве эпох как систему устойчивую, имеющую свои доминантные основы, и в то же время изменяющуюся во времени. В истории русской литературы четий сборник выступает как метажанр, на завершающем этапе своей эволюции он приобретает функцию народной книги.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Четий сборник является особой системой, в которой контекст творчества и контекст восприятия представлены в диалектическом единстве. Четьи сборники XVII в. – первой трети XVIII в. отразили усиление личностного, «авторского» начала, которое проявляется в концепции ансамбля сборника и способах интерпретации входящих в него произведений, в вариативности текстов, в редакциях и вариантах, в циклизации статей в сборниках.

2. Динамическим началом, преобразующим систему рукописного сборника XVII в., являются новые повести народно-городской литературы. Они создают диалогические и (или) полемические отношения в системе сборника и перестраивают модель четьего сборника. Ключевыми факторами эволюции сборника XVII–XVIII вв. становятся его создатели и читатели. Свидетельством их активного участия в перестройке системы сборника являются «вторичные» циклы и концептуальные «авторские» сборники.

3. Сборники в системе русской литературы XVIII в. представляют характерную для своего времени литературную субкультуру, которая поддерживалась и развивалась читателями средних сословий. Ее отношения с литературой печатной определяется видовым разнообразием сборников: в отдельных своих пластах она пересекается с ней, в других сохраняет автономность.

4. Рукописные сборники XVII –XIX вв., содержащие «Повесть о бражнике», отразили особенности эволюции древнерусского четьего сборника в XVII–XVIII вв., обусловленные ведущими тенденциями развития литературы. Выделяются два этапа: XVII – первая треть XVIII в. и вторая треть XVIII – XIX в. На

первом этапе сборники отражают демократизацию литературы, ее социальное расширение – появление нового автора и читателя. В это время происходит взаимодействие сборников, переходящих из монастырей в демократическую среду, с четкими сборниками светской направленности. На втором этапе сборники перемещаются на периферию литературного процесса, в область народного чтения.

5. Сборники XVII в., содержащие «Повесть о бражнике», являются ярким примером сохранения и развития четьей традиции, восходящей к XV в. Четий сборник в условиях «переходного» века сохраняет свои доминантные характеристики (предназначение, тип чтения), однако в нем проявляются новые черты, обусловленные активным и творческим отношением переписчиков, редакторов и читателей к текстам.

6. Сборники поздней рукописной традиции с «Повестью о бражнике» являются результатом историко-социального отбора, они сосредоточили в своем составе круг произведений, отразивших религиозно-народное мирозерцание, моральные, этические народные представления. Этот тип сборника является одним из видов народной книги.

7. Четий сборник является системой устойчивой, имеющей свои доминантные основы, и мобильной, постоянно перестраивающей свой «чин». Подвижный во времени и пространстве (географическом, идеологическом, социальном), четий сборник выступает как метажанр. Его модификации обусловлены творческим началом, вовлеченностью в литературные и историко-культурные контексты на всех этапах развития. Завершающим этапом эволюции древнерусского четьего сборника стала народная книга.

Научно-практическая значимость работы.

Основные положения исследования могут быть использованы в последующем научном изучении древнерусских четых сборников. Результаты и материалы исследования могут быть использованы в разработках курсов «История русской литературы XVII в.», «История русской литературы XVIII в.», для подготовки спецкурсов по истории русской литературы и культуры в высшей школе.

Материалы исследования использовались при разработке основного курса «История русской литературы XVII–XVIII вв.» в Новосибирском государственном университете, а также спецкурсов, прочитанных студентам-филологам Гуманитарного факультета НГУ в 2000–2007 гг.: «Русская литература посада XVII в.», «Рукописные сборники XVIII в: пути развития и типология», «У истоков русского романа: пути развития русской прозы XVII–XVIII вв.»

Апробация основных результатов:

Основные положения диссертации были отражены в выступлениях на международных конференциях: «Проблемы литературных жанров» (Томск, 15–17 октября 2001 г.); «Древнерусское духовное наследие в Сибири: Научное изучение памятников традиционной русской книжности на Востоке России» (Новосибирск, 1–5 декабря 2005 г.); Первые, Вторые, Третьи Ремезовские чтения (Тобольск, 2003, 2005, 2007 гг.); «VII Чтения по истории и культуре древней и новой России. К 100-летию Д. С. Лихачева» (Ярославль, 13–15 сентября 2006 г.); «Нарративные традиции славянских литератур (Средневековье и Новое время)» (Новосибирск, ИФ СО РАН, 28–30 июня 2006 г.); Вторая научная конференция «Память литературного творчества» (г. Москва, ИМЛИ РАН, 29 октября – 1 ноября 2007 г.); на III Всероссийской конференции «Литература Урала. Автор как творческая индивидуальность (национальный и региональный аспекты)» (г. Екатеринбург, 11–13 октября 2007 г.); на межрегиональной конференции «Сибирь на перекрестье мировых религий» (г. Новосибирск, 28–29 октября 2004 г.), на межвузовских конференциях: «Проблемы литературных жанров». IV научная межвузовская конференция 7–9 декабря 1988 г.; «Новосибирские Кирилло-Мефодиевские чтения «Ценностные основы и ориентиры славянской культуры» (г. Новосибирск, май 2002, 2003, 2004 гг.); «Шестые Макушинские чтения» (г. Новосибирск, 22–23 мая 2003 г.).

Содержание диссертации отражено в двух монографиях и статьях, представленных в конце реферата.

Структура и объем диссертации.

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы, Приложения. В Приложении публикуется археографический обзор списков «Повести о бражнике», в котором раскрывается состав сборников, а также список использованных рукописей. Объем диссертации – 403 с.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность, методология, определены цели и задачи исследования, его структура.

В первой главе **«История изучения четьих сборников средневековой традиции»** рассмотрены работы, касающиеся наиболее важных для диссертационного исследования аспектов четьего сборника (жанровое своеобразие и разновидности сборников, особенности их бытования в разные периоды развития литературы и др.). Древнерусские четьи сборники привлекали внимание историков литературы, начиная со второй половины XIX в. В исследованиях советского периода проблемы, связанные с четьим сборником, получили более полную разработку. Значительное влияние на изучение сборников оказало развитие текстологии. Положение В. Н. Перетца о том, что в изучении «литературной истории» памятника необходимо учитывать его окружение в сборниках, получило дальнейшую разработку в «Текстологии» Д. С. Лихачева. Исследователь подчеркивал значение изучения сборников для определения времени и места создания произведения, для выявления политических взглядов составителей сборников, для реконструкции редакций. Он писал о необходимости изучения «сборников, входящих друг в друга», о том, что текстолог должен «раскрыть их состав, изучить их историю, разобраться в их исторически сложившихся взаимоотношениях»⁶.

В исследованиях В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачева, Н. Н. Розова, О. В. Творогова, Я. С. Лурье, Г. М. Прохорова, Р. П. Дмитриевой, О. П. Лихачевой, Т. В. Черторицкой и др. рассматривались содержательные, структурные, функциональные аспекты четьих сборников, вводились в научный

---

⁶ Лихачев Д. С. Текстология. С. 249.

оборот уникальные сборники и их комплексы. Большой вклад в изучение четьих сборников был сделан Р. П. Дмитриевой⁷, в работах которой была дана характеристика основных параметров четьего сборника XV в., было выявлено его жанровое своеобразие («жанр энциклопедического сборника»), описаны особенности эволюции четьего сборника в XVI в. Вопрос о репертуаре энциклопедических сборников Ефросина, «своеобразной русской “монастырской вивлиофики” XV в.», и источниках энциклопедизма рассматривался также Н. Н. Розовым⁸. В работе А. Г. Боброва и Т. В. Черторицкой⁹ был исследован генезис сборника «Златая матица» и определен его «авторский» характер. Таким образом, в работах, посвященных четьим сборникам XV–XVI вв., разрабатывались как общие, так и частные проблемы, связанные с изучением сборников, освещалось их видовое разнообразие (энциклопедические, тематические, сборники религиозно-дидактические относительно устойчивого состава, религиозно-дидактические переменного состава), унаследованное рукописной традицией последующих веков.

В работах историков книги Н. Н. Розова, Б. В. Сапунова, Н. А. Баклановой¹⁰ были рассмотрены такие вопросы, как исторические условия бытования сборников XVII в., пути миграции, круг чтения жителей посада. Вопрос о социальной принадлежности владельцев и читателей книг, в том числе и четьих сборников XVII в., был рассмотрен в трудах Б. В. Сапунова, С. П. Луппова; состав монастырских библиотек XVII в. был проанализирован в работах Е. В. Сеницыной, М. Д. Каган¹¹. Сборники XVII в. из собраний северно-русских монастырей были

---

⁷ Дмитриева Р. П. 1) Четьи сборники XV века как жанр // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1972. Т. 27. С. 150–180; 2) Волоколамские четьи сборники XVI века // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 202–230.

⁸ Розов Н. Н. Книга в России в XV веке. Л., 1981. С. 114–119.

⁹ Бобров А. Г., Черторицкая Т. В. К проблеме Златой матицы // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 33. С. 352–353.

¹⁰ Розов Н. Н. Русская рукописная книга. Этюды и характеристики. Л., 1971. С. 68–87; Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века // Древнерусская литература и ее связь с Новым временем. М., 1967. С. 156–194; Сапунов Б. В. 1) Книга и читатель на Руси в XVII в. // Книга в России до середины XIX века. Л., 1978. С. 61–74; 2) Пути распространения книги в России в XVII в. // 3-я Всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX века»: Тезисы докладов. Л., 1985. С. 32–34; Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970.

¹¹ Сеницына Е. В. Рукописная библиотека Спасо-Ярославского монастыря (по материалам описей XVII – начала XX в.) // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 62–77. Каган М. Д. История библиотеки Ферапонтова монастыря // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 101–108.

рассмотрены М. В. Кукушкиной¹². Отмечая широкий диапазон произведений, представленных в сборниках, исследователь делает вывод о том, что монастыри были вовлечены в литературное развитие своего времени, хотя монастырские библиотеки и не отражали литературного репертуара XVII в. во всей его полноте.

Рукописные сборники XVIII в. привлекли внимание собирателей книжной старины в 40-е гг. XIX в., когда сборники еще находились в живом обращении. Исследователей XIX в. (Ф. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова и др.) они интересовали, прежде всего, как источники произведений древней литературы, как явление народной литературы и словесности, как демократическая литература, без которой невозможно представить литературную культуру XVIII в. во всей полноте. В 30-е гг. XX в. отмечается возросший интерес к сборникам в связи с изучением демократической литературы XVIII в., которая трактовалась в рамках методологических установок своего времени с классовых позиций.

Первым и до сих пор единственным монографическим описанием рукописных сборников XVIII в. является книга М. Н. Сперанского «Рукописные сборники XVIII века»¹³, написанная в 30-е гг., но опубликованная в 1963 г. Однако она была известна в машинописном варианте исследователям древнерусской литературы, поэтому наблюдения и идеи М. Н. Сперанского, а также собранный им фактический материал оказали свое плодотворное воздействие на развитие науки о литературе XVIII в. до публикации монографии. Исследователь полагал, что рукописные сборники являются наиболее характерным материалом для систематического освещения литературы «средних и низших классов» XVIII в. Материалы, собранные М. Н. Сперанским, продемонстрировали связи сборников с литературой традицией и с печатной литературой XVIII в. Ученым были выявлены памятники устной словесности в сборниках, это позволило полнее представить значение устного народного творчества в литературе XVIII в., была установлена общность сюжетов в рукописных сборниках и в «низовой» печатной, лубочной

---

¹² Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977. С. 125–176.

¹³ Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века: Материалы для истории русской литературы. М.; Л., 1963.

литературе, выявлена социальная принадлежность читателей рукописных сборников и их интересы. Но определение рукописного сборника XVIII в. не выходит за рамки описания, принадлежащего Ф. И. Буслаеву: «смесь самого разнообразного содержания: старое и новое». Эта общая характеристика была уточнена в классификации сборников, в основу которой положена концепция «обмирщения» литературы, развитая в ряде работ М. Н. Сперанского, в частности, в «Истории древней русской литературы» (1921 г.). Истоки «обмирщения», по мысли ученого, наметились в литературе в XV в. и получили определенное выражение в XVII в.

М. Н. Сперанский проанализировал состав более чем пятисот сборников и выделил пять основных групп, «характерных и показательных для литературного чтения в демократических классах России XVIII в.». Допускаются и «переходные» виды, что объясняется подвижным составом сборников. Исследователь делает вывод, что в XVIII в. «происходит дальнейшее “обмирщение” содержания как самих сборников, так и всей литературы средних и низших классов русского общества XVIII в. <...> содержание сборников сближается с передовой литературой, которая и является главным источником “обмирщения” для литературы “средней” и “низшей” <...> Чем позднее сборник, тем больше в нем общего с передовой литературой»¹⁴.

Классификация М. Н. Сперанского воссоздает картину все нарастающего, а затем доминирующего светского начала в рукописных сборниках. Однако в свою классификацию М. Н. Сперанский не включил сборники «религиозно-учительные, богослужебные, старообрядческие, монастырские, церковные», поскольку, по его мнению, они не играли значительной роли в развитии литературы XVIII в. Периферийное положение этих сборников в литературе исследователь объяснял тем, что среднее и низшее духовенство постепенно теряло прежнее руководящее значение в общественной жизни, соответственно менялась роль церковно-религиозной литературы, которая культивировалась, прежде всего, ду-

---

¹⁴ Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. С. 40, 41.

ховенством. Сборники «церковношкольные» и старообрядческие, не вошедшие в классификацию, были рассмотрены М. Н. Сперанским в отдельных главах.

В исследовании М. Н. Сперанского содержится множество ценных наблюдений и материалов, раскрывающих видовое разнообразие рукописных сборников. В то же время эволюция рукописных сборников XVIII в., представленная в свете концепции «обмирщения», отражает, на наш взгляд, лишь одно из направлений более сложного и неоднозначного процесса. Трудно согласиться с мнением, что сборники религиозного содержания относятся преимущественно к кругу чтения представителей духовного сословия и с выведением этого обширного пласта рукописной книжности если не за пределы литературной жизни XVIII в., то на особое, маргинальное положение.

Проблемы бытования рукописных сборников XVIII в. в демократической среде рассматривались в работах Н. Н. Розова, в которых представлен синтез книговедческого и литературоведческого подходов¹⁵. Плодотворное сочетание культурологического и историко-социологического методов в изучении сборника XVIII в. было продемонстрировано Л. С. Соболевой¹⁶. Исследователем был введен в научный оборот сборник из собрания ПОКМ, который включает редкий по полноте круг памятников демократической сатиры XVII в. Сборник, принадлежавший крестьянину из села Слудки, был рассмотрен в рамках словесной традиции строгановского региона в свете концепции «культурное гнездо»¹⁷.

Книжная культура старообрядцев, сохраняющая древнерусские четьи традиции в создании сборников, рассматривалась в работах Е. И. Дергачевой-Скоп и В. Н. Алексеева¹⁸. Методология исследования, включающая комплексный подход (книговедческий и литературоведческий), имеет значение, выходящее за

---

¹⁵ Розов Н. Н. 1) Светская рукописная книга XVIII–XIX вв. в собрании А. А. Титова // Сборник ГПБ. Л., 1954. Вып. 2. С. 127–146; 2) Об одном пародийно-сатирическом сборнике XVIII в. // ТОДРЛ. М. ; Л., 1958. Т. 14. С. 481–485; 3) Зачем, кому и какая рукописная книга нужна // Вопросы истории, 1970. № 6. С. 210–217; 4) Русская рукописная книга. Этюды и характеристики. Л., 1971. С. 92–103.

¹⁶ Соболева Л. С. Рукописная литература Урала: наследование традиций и обретение самобытности. Очерк второй. Рукописная традиция строгановского региона. Екатеринбург, 2005. С. 7–16; 103–127.

¹⁷ Там же. С. 7–16.

¹⁸ Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. 1) Репертуар традиционного чтения старообрядческих согласий Сибири. Этюды нравственной философии // Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce. Warszawa, 1994. С. 43–55; 2) Книжная культура старообрядцев и их четья литература. С. 9–39.

рамки рассмотренного материала, и может быть использована при анализе книжных и литературных комплексов других типов.

Обзор исследований показывает, что сборник изучался в различных аспектах. Историками литературы и книги были выявлены многие характерные черты четьего сборника разных периодов, освещались общие и частные моменты его истории. В то же время далеко не все вопросы получили разрешение в работах исследователей. Одной из важнейших и практически неизученных является проблема эволюции древнерусского четьего сборника в XVII и XVIII вв. Исследование эволюции четьего сборника в эти периоды, столь отличные друг от друга, но связанные исторически, позволяет глубже понять особенности развития литературы этого времени.

Повествовательный элемент является структурообразующим фактором четьего сборника в XVII и XVIII вв., его жанровым маркером, этим объясняется выбор источниковой базы исследования. Сборники, содержащие «Повесть о бражнике» и другие произведения XVII в., являются материалом, раскрывающим характерные особенности эволюции древнерусского четьего сборника в XVII и XVIII в. Изучение истории текста и сборника как контекста позволяет описать пути и векторы развития сборника на разных этапах его жизни в историко-литературном контексте XVII–XIX вв.

Во второй главе **«"Повесть о бражнике" в рукописной традиции XVII – начала XVIII в.»** рассматривается история текста повести (привлекается 51 список) и ее окружение в сборниках. Текстологический анализ повести раскрывает специфику развития текста, который становится организующим началом сборников определенного типа. Композиция «Повести о бражнике» имеет свои особенности, предопределившие ее литературную историю. Повесть делится на эпизоды: экспозицию (характеристика бражника); вступление (умирает бражник, ангелы берут его душу, приносят к воротам рая); диалоги (бражник просится в рай, приходящие по очереди к воротам рая апостолы Петр и Павел, праведники Давид и Соломон, св. Николай, Иоанн Богослов его не пускают, так как «пьяницы царства Божия не наследят»); концовку (бражника пускают в рай). В диалогах браж-

ник обличает святых и праведников, ссылаясь на компрометирующие их факты. Текст повести в рукописной традиции отличается вариативностью: вольное изложение эпизодов (вплоть до пересказа), перестановка фраз и слов, нарушение последовательности диалогов или отсутствие одного или двух из них. Наибольшим изменениям в рукописной традиции подвергалась концовка. Экспозиция повести, содержащая характеристику бражника, также подвижна.

История текста «Повести о бражнике» тесно связана с составом ее содержащих сборников. Контекст повести в сборниках, как правило, определял ее изменения в редакциях и вариантах, поэтому особое внимание во второй главе уделяется составу сборника, записям, проливающим свет на особенности бытования повести в рукописной традиции и на ее восприятие.

В литературной истории повести выделяется два этапа: XVII – первая треть XVIII в. и вторая треть XVIII – XIX в. На первом этапе образуются редакции. К этому времени относится 18 списков повести, 6 из них дефектны, в них, как правило, отсутствует финал. За исключением одного списка, все они сохранили начальный эпизод. 13 полных списков представляют 7 редакций повести и ее украинский извод. Второй этап истории текста отличается тем, что дошедших до нашего времени списков значительно больше, но новых редакций не появляется. Списки делятся на две группы. В списках первой группы бражник в рай занимает «лучшее место», во второй группе этого мотива, подчеркивающего сатирическую направленность произведения, нет. История завершается тем, что бражник входит в рай.

В разделе первом «*Редакции первой группы*» рассматриваются Костромская, Калининская 1-я, Буслаевская редакции, а также списки ГИМ Сок. 15, МИ-РА 45, восходящие к протографу этих редакций. Выявляется характер изменений текста в редакциях, анализируется ближайшее окружение повести в сборниках XVII–XVIII вв. Смысловые изменения редакций первой группы прослеживаются в финале. В составе сборников первой группы отмечаются как традиционная преемственность, так и новые принципы композиции. В сборнике РНБ О.XVII.57 первой четверти XVIII в. составитель не только добавил к статьям сборников-

прототипов произведения круга демократической сатиры, но и сгруппировал материал в двух разных по содержанию частях.

В разделе втором *«Редакции второй группы»* рассматриваются редакции Забелинская, ОЛДП, Калининская 2-я, Ждановская, в которых эпизод о «лучшем месте» отсутствует. Редакторские изменения затрагивают экспозицию и финал истории. В отличие от других редакций этой группы Ждановская содержит назидательную концовку, в которой дается краткое поучение («...не упивайтесь без памяти, не будете без ума, и вы наследницы будете царствию небесному и райския обители»).

Индивидуальной трактовкой экспозиции отмечена Калининская 2-я редакция. Редактор перерабатывает этот эпизод, добавляя диалог героя и ангела, в описаниях рая прослеживается влияние жанра видений. Бражник описан как «начетчик ... великой и богословец и книжник и сказатель слову Божию», он «всяким ковъшичком Господа Бога славяща и пресвятую Богородицу в помощь призывающе и угодников Божиих всегда воспоминающе, апостолов, пророков, святителей преподобных и мучеников и мучениц». Такая характеристика противоречит описанию главного героя повести в самом раннем Соловецком списке (РНБ Сол. 1137/1247): «Бысть в некоем граде бражник, всегда упивася без памяти, праздников Божиих не зная и святых дней не почитая, и не бысть в нем добра Божия. И мало толико человек той поминая Господа, в то время, егда учне пити ковш, и он тогда глаголя: «Господи Исусе Христе, сыне Божии, благослови, Христос». Этот список содержит лишь экспозицию и часть диалога со св. Петром, он является самым ранним из всех сохранившихся списков и восходит к архетипу. Строки «Слова о некоем бражнике», которое расположено в конце сборника, тщательно зачеркнуты. Очевидно, что часть текста повести сохранилась только потому, что на л. 153, где начинается текст, завершалось предшествующее произведение («Повесть о двух посольствах»).

Анализ редакций и списков повести, ее окружения в сборниках позволяет сделать следующие выводы:

«Повесть о бражнике» была написана ранее XVII в. Об этом свидетельствует датировка самого раннего списка повести РНБ Сол. 1137/1247 и его отношение к выявленным редакциям повести.

7 редакций «Повести о бражнике» XVII – первой трети XVIII в., в которых отражаются разные трактовки смысла истории о вхождении в рай грешника, представляют развитую рукописную традицию повести, а не ее начальный этап. Списки повести XVII в. демонстрируют активное отношение читателей, переписчиков и редакторов к тексту.

Мозаичный характер разночтений в редакциях повести позволяет предположить, что в тексте архетипа были представлены чтения, отразившиеся в списках XVII в. В дефектных ранних списках повести ГИМ Заб. 435 (1639–1640 г.), Барс. 2397, Барс. 2406 (1662 г.) выделяются чтения, характерные для этой редакции, а также общие со списками редакций первой и второй групп. В архетипе присутствовал мотив моления бражника, который отразился в списках РНБ Сол. 1137/1247, БАН 13.6.8, РНБ ОЛДП Q.XVIII, РНБ Q.XVII.176; диалог со св. Николаем, который сохранился в редакциях первой группы, в Забелинской, Калининской 2-й редакциях второй группы, чтения из диалога с Соломоном, основанные на источниках, в числе которых – апокрифическое «Слово на Лазарево воскресение».

В первой группе списков «Повести о бражнике» первична Костромская редакция. Вопрос о том, какая редакция первична во второй группе, может быть разрешен в настоящее время лишь гипотетически. Известные ранние списки четырех редакций (Ждановской, Забелинской, Калининской 2-й, ОЛДП) приблизительно одного времени, они восходят к протографам второй группы. Отношения редакций в системе текстов повести таковы, что можно рассматривать каждую из них как восходящую к протографу второй группы.

Редакторские изменения «Повести о бражнике» связаны с контекстом, т. е. составом сборников, содержащих списки повести. Именно в контексте сборника редакция становится новым литературным фактом. В Костромской редакции бражник садится в «лучшем месте», когда обитатели рая этому противятся, они

слышат Глас, который упрекает их в том, что они «не умели з бражником говорить»; в особом виде Забелинской редакции присутствуют апокрифические мотивы (обитатели рая «просят» за бражника); в Ждановской редакции история бражника завершается поучением и, таким образом, дается иная оценка его греха; список редакции ОЛДП под названием «О пьянстве» (РНБ ОЛДП Q.XVIII), расположенный в сборнике рядом с поучением против пьянства «О пьянстве ино», представляет неортодоксальную точку зрения на обозначенную в заголовке проблему; в списках Забелинской и Калининской 2-й редакций подчеркивается «мудрость» бражника; в Буслаевской редакции появляется смеховой оттенок. В каждом случае смысловые коннотации повести обусловлены, а в ряде случаев усиливаются ее окружением.

В литературной истории «Повести о бражнике» выделяется первая треть XVIII в., в это время появляется новая сатирическая трактовка повести в Буслаевской редакции. В Буслаевском сборнике (РНБ О.XVII.57), где представлен почти весь круг произведений демократической сатиры XVII в., повесть впервые включается в ее контекст. В сборнике РНБ Q.XVII.4 того же времени повесть переписывается в окружении апокрифов, слов и поучений.

Мотив о «лучшем месте» в поздних списках первой группы ГИМ Сок.15 и МИРА 45 претерпел эволюцию. В этих списках отсутствует обсуждение вопроса о «лучшем месте», подчеркивающее правоту бражника в Костромской, Калининской 1-й, Буслаевской редакциях, и разрешение конфликта не содержит «смеховых» оттенков.

Из всех редакций второй группы наибольшее распространение получила Забелинская редакция, в поздних списках которой сам бражник ссылается на Бога, который «повелел ему быть в раю». Редакция ОЛДП, в которой в экспозиции представлен главный герой, не лишенный добродетели («в нощи на камени спал, Богу ся молил»), также получила развитие в ряде поздних списков. Эволюция текста шла по пути увеличения числа «положительных черт» героя и приближения его к типу кающегося грешника. В поздних списках Калининской 2-й редакции также проявляется тенденция оправдания бражника: перечень добродетелей

в БАН 4.3.26, акцент на покаянии в ТФ ГАТО № 30; интонации примирения в ГИМ Барс. 2500 (Иоанн Богослов впускает бражника в рай, но просит: «...только отстань пьянства во веки»). В списке ПОКМ 11907/18 бражник в завершающем эпизоде обращается к Богу со словами: «Не постави, Господи, во грех, поел[ику], Господи, в шутку, что я всех святых укорил, а сам в рай вшел».

Актуализация мотива покаяния, которая является заметной тенденцией в поздней рукописной традиции «Повести о бражнике», объясняется контекстом ее бытования в сборниках. В составе сборников второй половины XVIII–XIX вв. часто встречаются статьи из «Пролога», Патериков, которые повлияли на «подтягивание» неоднозначного образа главного героя к «нормативному идеалу».

В списках второй половины XVIII в. возрастает экспрессия повествования. Это касается, прежде всего, описания поведения главного героя. Если сравнить его с бражником ранней рукописной традиции XVII в., где о манере его поведения можно судить лишь по репликам, то в списках второй половины XVIII в. в облике героя появляются новые черты. Бражник «стоящи, взирая, плачяся, от всего сердца своего, во слезах же рече...» (ТФ ГАТО №30); «молился со слезами и сукрухою сердечною», «бражник же воздихнул к Богу со слезами и молением нача торкати во врата райския» (РГБ ф. 299 № 8); «...и воздихнул бражник из глубин сердечныя» (БАН 13.6.8). В словах бражника появляются экзальтированные ноты: «...иных грехов не сотворил, кроме того, что пил, не оклеветал, никогда не солгал и ближнего своего любил аки сам себе, отца и мать почитал, каждаго накормил ...» (БАН 4.3.16). Некоторое оживление заметно в действиях и словах других персонажей повести: «Петр же апостол затривожится, отъиде завистижонни и посрамленни» (РГБ ф. 299 № 8), «...только мука вечная во аде с прелюбодейцы, ада же скрежет зубом и черви несипущии» (угроза бражнику в списке ГИМ Муз. № 1244).

В поздних списках возрастает количество ошибок, особенно во фрагментах, основанных на цитировании. Так, уже на раннем этапе был опущен первый мотив о «заушении» Ария в обличении св. Николая (цитата из неканонического жития св. Николая Мирликийского). Подробности из диалога с царем Давидом так-

же часто опускались. Постоянно встречается непонимание переписчиками текста диалога с Соломоном, в основе которого не менее трех источников, а также диалога с апостолом Павлом. Единственный диалог, в котором практически не встречается ошибочных чтений – это диалог с апостолом Петром. Причина, вероятно, в том, что образ св. Петра, который держит ключи от рая, известен в фольклоре и в духовных стихах, а факт его отречения знаком не только по каноническим источникам, но и отражен в популярной «Беседе трех святителей», которая часто встречается в сборниках рядом с повестью. В то же время в ряде списков встречаются дополнения, в истоках которых – книжная образованность читателей (например, группа «стабильных» текстов Забелинской редакции, списки «украинской» группы).

Характер текстологических изменений, сводимых к совершенно определенному набору и типу добавлений и ошибок, а также изменения состава сборников, содержащих «Повесть о бражнике», свидетельствуют, прежде всего, об изменении условий бытования рукописного сборника. Начиная с 30–40-х годов XVIII в. рукописная литература становится социально маркированной областью литературных интересов средних слоев общества.

В третьей главе **«Композиция рукописных сборников XVII – первой трети XVIII в., включающих “Повесть о бражнике”»** рассматриваются структура сборника, принципы расположения статей и связи между ними, приметы присутствия составителей в повествовательном пространстве сборника, смысловые оттенки, которые приобретает повесть в контексте сборника.

В первом разделе **«Особенности контекста «Повести о бражнике» в рукописных сборниках XVII в.»** раскрываются связи текста «Повести о бражнике» и контекста сборников XVII в. Вариативность текста повести, отношения между списками, свидетельствующие о более развитой, но не дошедшей до нашего времени в полном объеме ранней рукописной традиции, показывают, насколько велик был интерес читателей к заявленной проблеме. Сборники, содержащие повесть, – это четьи сборники нового поколения. Отмечается возрастающее количество и разнообразие сборников, выделяется характерная для литературы

XVII в. тенденция: сборники, созданные в монастырях, начинают свое движение в другие слои русского общества. Границы между монастырской книжной культурой и посадом в XVII в. становятся все более проницаемыми.

Как показал текстологический анализ, «Повесть о бражнике» появилась ранее XVII в., об этом свидетельствует датировка самого раннего списка РНБ Сол. 1137/1247 и его положение в системе списков повести. Сборники, обнаруживающие общие статьи в составе (РНБ Сол. 1137/1247, ГАКаО 916, ГАКоО 7, ГАКаО 1540, РНБ Q.XVII.176), дают представление о круге чтения лиц, стоявших у истоков литературного развития повести. Это четыре сборники, включающие повести XV–XVII вв., апокрифы, жития, слова и поучения.

Бражник – новый герой, разрушающий иерархию отношений «грешник – праведник», он спорит со святыми и попадает в рай «словом». О том, что «Повесть о бражнике» полемизирует с религиозно-дидактической традицией, писала В. П. Адрианова-Перетц¹⁹. В ближайшем окружении повести в сборниках часто встречаются слова и поучения против пьянства и апокрифы. Связи текста «Повести о бражнике» с контекстом проявляются в цитировании, явных и имплицитных отсылках к произведениям старой традиции, которые составляли окружение повести в сборниках и, шире, в рукописной традиции в целом. В каждом диалоге содержатся явные или скрытые ссылки на источники, цитирование является основным композиционным приемом повествования.

В повести были выявлены цитаты-реминисценции, отсылающие к Библии, «Слову на Лазарево воскресение», к неканоническому житию св. Николая, апокрифам и отмечены аллюзии, связанные со словами и поучениями против пьянства. Полемическая направленность повести осознавалась читателями, о чем свидетельствует ее название «О пьянстве» в сборнике РНБ ОЛДП Q.XVIII. Переписана повесть перед типичным поучением против пьянства «О пьянстве ино». Таким образом, в сборнике представлены две точки зрения на проблему, причем на первое место поставлена неортодоксальная.

---

¹⁹ Адрианова-Перетц В. П. Историко-литературный и реальный комментарий // Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977. С. 215.

Безусловно, цель этой скрытой полемики состояла не в оправдании порока. Избранная тема была скорее поводом выразить протест, несогласие с формальным, как полагал автор, подходом к пониманию важного для всех вопроса благочестия и воздаяния. В конце каждого диалога подчеркивается основная идея и цель прения – бражник доказывает относительность своего «бытового» прегрешения по сравнению с более серьезными грехами обитателей рая и утверждает, что он, «православной крестьянин», любит Бога и, следовательно, достоин быть в раю.

Система цитат, реминисценций и аллюзий, явные и имплицитные связи «Повести о бражнике» с апокрифами, словами и поучениями против пьянства подтверждают ее органичную связь с русской рукописной традицией.

В разделе втором «*”Вторичные циклы” в сборниках XVII в.*» рассматривается проблема вхождения новых произведений в ансамбль сборника. Памятники демократической литературы часто переписывались в виде тетрадей, которые уже позднее входили в конволюты. В таком формате проявлялась своеобразная самостоятельность, отстраненность новых повестей от традиционного контекста, ведь многие из них побуждали критически относиться к известным и освященным авторитетными источниками истинам, а порой и полемически трактовали устоявшиеся представления.

Малое количество сохранившихся списков XVII в. новых повестей круга демократической сатиры обычно трактуется как признак популярности произведений. Как представляется, этот факт отражает формирование демократического направления в литературе XVII в. и характерное для этого этапа взаимодействие новых произведений с рукописной традицией. Тетради, в которых переписывались памятники посадской, сатирической литературы, были популярны и поэтому недолговечны.

Среди сборников с «Повестью о бражнике» XVII – первой половины XVIII в. далеко не все имеют ярко выраженные следы бытования в демократической среде. Отмечается ряд сборников, написанных аккуратной, а подчас и красивой скорописью; сборники составлены продуманно, что свидетельствует о вы-

соком уровне литературной культуры составителей. В их составе, кроме слов, поучений, житий, представлена повествовательная традиция XV–XVII вв.: «Повесть о Басарге», «Повесть о двух посольствах», «Повесть о бесноватой Соломонии», «Повесть о Темир Аксаке», «Повесть о белом клобуке», «Сказание Авраамия Палицына», «Прение живота и смерти», «Хождение Трифона Коробейникова», а также апокрифы «Беседа трех святителей», «Повесть об Акире», «Хождение Богородицы по мукам».

По своему составу эти сборники напоминают сборники энциклопедические, получившие широкое распространение в XV в. Они представляют вид четьего сборника, который бытовал в среде, где хорошо знали как светскую, так и духовную четью традицию. Тема осуждения пьянства в «Повести о бражнике» связывается с обсуждением вопроса о грехе и воздаянии, характеристика грешника отличается двойственностью (пил и Бога прославлял); грешник, ранее пассивный объект обличения, берет на себя роль обличителя, доказывает свою правоту, ссылаясь на авторитетные источники. Традиционный для средневековой литературы прием доказательств (цитаты-реминисценции) используется для утверждения относительности «бытового» греха по сравнению с грехами святых и праведных. Такая аргументация, безусловно, была дерзким вызовом. В поведении бражника читатель XVII в. не мог не видеть нарушения сложившейся иерархии отношений, получившей отражение во многих произведениях святоотеческой и учительной литературы. Использование цитат, в том числе из апокрифических источников, этих образцов «готового слова», традиционных для средневековой литературы, приобретает спекулятивный смысл, герой демонстрирует ловкость и находчивость полемиста-начетчика.

Характерной особенностью бытования «Повести о бражнике» в сборниках XVII в. является то, что она включается в группы, художественные особенности которых проявляются через категорию «цикл». Четый сборник XVII в. включает интересные в художественном отношении примеры циклизации, имеющие свои исторически обусловленные черты. Главное отличие цикла сборника от циклов в литературе XVIII–XX вв. заключается в особом типе «автора» сборника как

цельного художественного явления. Создатель сборника не является автором произведений, но именно он является «автором» ансамбля, сборника как нового художественного единства. Художественная целостность метатекстовых образований, к которым можно отнести сборники XVII в., определяется концепцией сборника.

Активное участие читателей, интересы которых определяли репертуар сборников XVII в., в создании ансамблей, позволяет сопоставить четьи сборники с «неавторскими», вторичными, читательскими или редакторскими циклическими образованиями, характерными для новой литературы, хотя, безусловно, невозможно говорить о полном тождестве этих явлений. В то же время особенно циклической формы, характерные для нового времени, являются актуальными и для сборников: «циклическая форма – это «открытое множество» при наличии «общей идеи»... форма, пересеченная смыслами, возникающими на границах отдельных произведений, пронизанных идеей целого и воссоздающих художественный динамический облик этого целого»²⁰. Художественный эффект циклизации в сборнике не сводится к впечатлению от суммы составных частей, он выводит на новый уровень интерпретации отдельное произведение, цикл и сам сборник в целом.

В сборниках XVII в. с «Повестью о бражнике» выделяется циклы, в основе которых – форма диалога-прения, умение бражника спорить, его «мудрость». Так, Костромская редакция переписана в небольшом сборнике с «Беседой трех святителей»; Калининская 1-я редакция «Сказание о премудром бражнике» окружена светскими повестями, в их числе «Повесть об Акире»; список ГИМ Барс. № 2406 Забелинской редакции «Сказание о некоем бражнике премудром» составляет цикл со «Сказанием о премудром Акире», статьей «О премудрости Соломона». В таком контексте бражник ставится в один ряд с «книгочеем» Акиром и освященным преданием мудрым Соломоном.

---

²⁰ Дарвин М. Н. Художественная циклизация лирики // Теория литературы. Роды и жанры. М., 2003. Т. 3. С. 482.

Список БАН 1.4.1 Ждановской редакции «Повесть о некоем человеке о бражнике», содержит поучительную концовку, обращение к «православным христианам» в духе слов и поучений против пьянства. Присоединение назидательной концовки меняет смысл, такой финал противоречит основной идее повести, сглаживает «неоднозначность» самого героя. Особенности этой редакции отчасти проясняются окружением повести, в этом сборнике повесть расположена перед учительными словами и сказаниями из «Пролога».

В сборнике РНБ ОЛДП Q.XVIII «Повесть о бражнике» под названием «О пьянстве» составляет цикл с типичным поучением против пьянства «О пьянстве ино». В нем представлен своеобразный диалог новой и традиционной трактовки известной проблемы, при этом «иная» версия поставлена на первое место, что соответствует светскому направлению сборника.

Список РНБ Q.XVII.176 конца XVII – начала XVIII в. «Слово о бражнике» Калининской 2-й редакции, отмеченный индивидуальной трактовкой введения, переписан в цикле с «Прением живота и смерти» четвертой редакции ²¹, и «Словом о некоем человеке богобоязлив». Этот цикл, состоящий из произведений, написанных в форме диалога-прения, парадоксален. Драматически описывающая встречу «воина-удальца» с жестокой, всепобеждающей смертью, «Прение живота и смерти» тематически связана со «Словом о некотором человеке богобоязливе...», ведущей темой которого также является темы «исхода души» и Страшного суда. Цикл, включающий повести о жизни и смерти и повесть о грешнике, входящем в рай, построен по принципу контраста, что в сознании читателя XVII в. имело свой смысл. Мрачная серьезность и лирическая рефлексия повестей о жизни и смерти по-своему «снималась» озорной, с оттенком балагурства Калининской 2-й редакцией «Повести о бражнике». Этот цикл имеет барочный оттенок, представляет единство трагического и бытийно-комического, отражая полноту бытия в контрастах, что характерно для барочной картины мира.

В диссертации обосновано, что в интерпретациях повести в циклах сборников раскрываются разные грани жанрового потенциала «Повести о бражнике». В

---

²¹ Дмитриева Р. П. Повести о споре жизни и смерти. М. ; Л., 1964. С. 41–51.

каждом сборнике XVII в., включающем повесть, выделяются основные идеи, определяющие концепцию ансамбля (произведения, цикла, сборника в целом). Динамика текста «Повести о бражнике» XVII в. демонстрирует разнообразие контекстуальных связей в системе сборника и рукописной традиции в целом.

Тенденции циклизации рассматриваются также на материале сборников, содержащих другие произведения народно-городской литературы. Новые произведения нарушают «монологическую» парадигму сборника, возникает ситуация диалога, проявляются разные формы пародийности, оксюморонные сочетания, другие виды трансформации структуры, связанные с субъективным восприятием и интерпретацией литературных канонов. Природа оксюморонности и пародийности разная, но их сближает деструктивность и реконструкция нового смысла. Циклизация в сборниках смешанного состава XVII в. является актуальной и перспективной тенденцией, отражающей участие составителей сборников и читателей в литературном процессе. В связи с этим роль «вторичных» циклов в рукописных сборниках второй половины XVII – XVIII вв. представляется весьма важной. «Вторичные», читательские циклы оказывают непосредственное воздействие на перестройку самой системы рукописного сборника и, соответственно, литературной системы XVII в. Они являются показателем кристаллизации читательских интересов и осознанного отбора, основанного на индивидуальных предпочтениях, способом проявления критического подхода к материалу.

В разделе третьем *«Рукописные сборники на рубеже эпох (конец XVII – первая треть XVIII в.)»* рассматриваются сборники с «Повестью о бражнике», отразившие процесс размежевания читательских интересов, – сборники РНБ О. XVII.57 и РНБ Q. XVII.4. «Повесть о бражнике» в этих сборниках входит в разные циклы. Статьи в сборнике РНБ О. XVII.57 переписаны одним почерком, но тематически распадаются на две части: в первой части содержатся статьи духовного содержания, во второй сгруппированы статьи светские. «Слово о бражнике, како вниде в рай» расположено во второй части этого сборника после «Прения живота и смерти» седьмой редакции и перед «Повестью о Басарге». В этом сборнике впервые памятники демократической сатиры объединены во вто-

рой части сборника. Концовка Буслаевской редакции «Повести о бражнике» с насмешкой бражника над обитателями рая соответствует юмористической и смеховой направленности цикла, однако повесть сохраняет и элементы более раннего окружения – «Прение живота и смерти», «Повесть о Басарге».

Сборник РНБ Q.XVII.4, как и O.XVII.57, относится к первой четверти XVIII в., его состав также распадается на две части. Первая часть состоит из слов и поучений, «Повесть о бражнике» завершает этот цикл, ее концовка выдержана в «апокрифическом» ключе, акцент делается на Божьем милосердии. Во второй части сборника переписаны светские повести. Таким образом, в этих сборниках намечена тенденция размежевания двух типов чтения (светское и традиционное «душеполезное»), которая приобретет более выраженные формы в рукописных сборниках поздней традиции.

В главе четвертой **«Читательский фактор развития рукописных сборников второй трети XVIII – начала XIX в.»** рассматриваются сборники поздней рукописной традиции как область читательских интересов и особенности бытования сборников в народной среде.

В разделе первом **«Своеобразие историко-литературного контекста рукописных сборников второй трети XVIII – начала XIX в.»** описаны особенности развития рукописной книжности в культурно-исторических условиях указанного периода. Большое число сборников, дошедших до нашего времени, свидетельствует об оживлении переписки книг в XVIII в. Популярность рукописных сборников объясняется преемственностью и устойчивостью литературных вкусов в демократической среде, а также многовековой традицией переписки книг. О связях «новой» и древней литературы писали многие исследователи. Ярким подтверждением идеи преемственности древнего и нового периодов истории русской литературы является сосуществование новой печатной литературы и рукописной традиции, которая выступает как органичная составляющая литературной культуры XVIII в. Сохраняя преемственность с предшествующим литературным развитием, рукописная литература самой историей была «встроена» в литературное пространство XVIII в.

Историки литературы (В. А. Десницкий, Ю. М. Лотман) писали о «культурной дистанции» между дворянством и крестьянством, которая стала следствием Петровских реформ и европеизации и привела к разобщению и взаимному непониманию. Однако автономность демократической рукописной книжности была относительной, о чем свидетельствуют примеры взаимодействия рукописной и печатной книги. В то же время в рукописном наследии XVIII в. остаются актуальными сборники старой традиции, которые продолжают переписываться в народной среде.

Перемещаясь на периферию литературного процесса, рукописные сборники становятся частью литературного быта. Записи в рукописных сборниках XVIII в. свидетельствуют, что сборники составляли и читали представители всех сословий, кроме высших, переписка книг в XVIII в. входила в систему обучения.

Своеобразное «авторское начало», которое ярко проявилось в сборниках XVII в., остается актуальным в сборниках XVIII в. «Память жанра» четких сборников сохраняется в поздней рукописной традиции. Значение рукописных сборников в литературной системе XVIII в. определяется тем, что они являются подсистемой литературной культуры, которая была создана и поддерживалась демократическим читателем.

В разделе втором «*Читатели рукописных сборников*» рассматриваются записи в поздних сборниках, которые являются своеобразными знаками присутствия создателей сборников и читателей в тексте сборника. Записям в древнерусских книгах и сборниках посвящена обширная литература (работы М. Н. Тихомирова, Л. М. Костюхиной, Н. А. Баклановой, С. И. Сметаниной, А. И. Копанева, Б. В. Сапунова, Н. Н. Розова, Е. М. Апанович, Л. В. Столяровой и др.). Записи привлекались для характеристики социальной среды, социального состава переписчиков, динамики цен на книги, рынка, мастерских, русского читателя. По мере изучения записей как важного исторического источника были описаны их основные виды и назначение. Записи в поздних сборниках отдельно не рассматривались, между тем они претерпели определенную эволюцию по мере того, как сборники перемещались в область народного чтения. В диссертации

рассмотрены записи в сборниках XVIII–XIX вв. из собраний РНБ, РГБ, БАН, ТФ ГАТО и др.

Анализ записей в сборниках поздней рукописной традиции показывает, что они встречаются гораздо чаще, чем в предшествующие века. Традиция записей и приписок, их словесные формулы, как правило, сохранялись в сборниках религиозного содержания, которые создавались на заказ. В других сборниках преобладают записи иного рода. В поздних рукописных сборниках получили широкое распространение записи о переписке и прочтении, о дарении книги; памятные записи о важных событиях и семейных делах (о смерти, рождении); записи дневникового характера; впечатления о прочитанном и критические замечания; записи бытовые; поговорки, загадки, денежные расчеты; заметки делового характера.

В поздней рукописной традиции реже встречаются, а в светских сборниках, как правило, отсутствуют приписки, характерные для книг, которые создавались на заказ, а их читателями были начитанные книжники. Так, практически отсутствуют записи и приписки-цитаты из церковно-учительных произведений, апокрифов, летописей, то есть записи-комментарии книжников-начетчиков. В то же время широкое распространение получают эмоциональные и критические оценки, бытовые и памятные записи. Сохранилось множество записей, подтверждающих, что книгу любили и ценили (записи о миграции книг, о семейной преемственности духовных интересов).

Значительное количество бытовых, шуточных (с элементами балагурства) записей свидетельствует о новом отношении к рукописной книге как к явлению необходимому, но обиходному. Признаками популярности и принадлежности книги к определенной среде являются внешний вид «зачитанного» сборника XVIII в., почерк, далекий от каллиграфии, рисунки, выполненные в лубочной манере, которые в описаниях часто определяются как «рисунки грубой работы», записи о миграции книги.

Судя по записям критического и оценочного характера, темы статей и их трактовки в рукописных сборниках волновали читателей, оставлявших на стра-

ницах и полях книг свои реплики. Записи в рукописных сборниках фактически вводят читателей в контекст сборника и являются подтверждением их активной роли в развитии рукописной литературной субкультуры XVIII–XIX вв. В сборниках поздней традиции, содержащих «Повесть о бражнике», встречаются записи владельческие, записи о переписке, критические и оценочные записи.

В разделе третьем *«Типология чтения и рукописные сборники»* рассматривается рукописная традиция XVIII в. как историко-культурный контекст сборников с «Повестью о бражнике». В настоящей работе принципы выделения видов сборников XVIII в. основаны на читательских интересах. В разделении сборников на группы использовались понятия «тип чтения», «репертуар» и «круг чтения», введенные как рабочие термины в работах Е. И. Дергачевой-Скоп и В. Н. Алексеева²², посвященных старообрядческой книжности.

Рукописные сборники XVIII в. разделяются на три группы: сборники, представляющие традиционную концепцию чтения (им соответствует свой репертуар и тип чтения); сборники, в которых продолжается четья традиция XVII в., отразившая новую концепцию чтения (репертуар этих сборников отличается выраженной повествовательной традицией, тематическими циклами); сборники «смешанные», в которых переписаны статьи старой традиции и новые произведения из печатных и (или) рукописных книг XVIII в.

Первая группа представлена сборниками, в которых сохранялась традиционная концепция чтения. Она включает следующие виды: сборники, вышедшие из монастырской и церковной среды, сборники старообрядческие, а также сборники религиозного содержания, бытующие в народной среде. Одним из наиболее распространенных видов является сборник, в составе которого переписаны жития, чудеса, слова и поучения утилитарного назначения, апокрифы, молитвы, заговоры, духовные стихи, отрывки из служб, слова и поучения. В описаниях и исследованиях этот вид сборника определяется как сборник «религиозно-дидактический», «духовно-нравственных сочинений и повестей», «религиозно-

---

²² Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. 1) Репертуар традиционного чтения старообрядческих согласий Сибири: Этюды нравственной философии. С. 44–55; 2) Книжная культура старообрядцев и их четья литература. С. 9–39.

нравственный – житий и поучений». Если в таких сборниках переписывалась одна или две повести XVII в., эти сборники переходили в разряд сборников «смешанного состава». Сами же переписчики и составители часто называли их «душеполезными». Записи, отражающие социальный состав переписчиков (составителей) и владельцев, свидетельствуют, что они были актуальной областью читательских интересов не только духовенства, но входили также в круг чтения крестьян, купцов, жителей посада.

Сборники этого вида отразили процесс рецепции сборников религиозно-философского содержания в народной среде. Эти сборники представляют поздние модификации, в генезисе которых – прототипы разных четких сборников, прошедших своеобразный историко-культурный отбор в процессе бытования. Сборник этого типа представляет особую систему, смысловой доминантой которой является комплекс этических норм и представлений, отразивший народные идеалы в традиционных образах. Приверженность к серьезному чтению в сборниках XVIII в. имеет следующую особенность: философско-религиозные этические проблемы «приближены» к частной жизни обычного человека путем отбора особо значимых статей.

Отличительной чертой собирательного образа читателя-составителя этого вида сборника является то, что он склонен к философско-религиозному размышлению, отсюда интерес к толкованиям (в том числе апокрифического происхождения). Сборники такого рода отражают народные христианские представления, в них часто переписывались апокрифические молитвы, заговоры, духовные стихи, другие произведения из того круга словесности, который был метко назван А. Н. Веселовским «церковным эпосом».

Сборники *второй группы* представляют «новую» концепцию чтения, которая впервые появилась в сборниках XVII в. Репертуар сборников этой группы включает повести светские, статьи, переписанные из печатных изданий, и (или) другие тексты литературного происхождения. По структуре большая часть сборников этого вида – «смешанные». Читателей таких сборников привлекали произведения, в которых нашли отражение проблемы «мирские», своеобразные «уро-

ки», которыми так богата жизнь человека. Сборники второй группы разделяются на два вида – сборники, в составе которых преобладает повествовательная традиция предшествующих веков и повести XVII в., и сборники, состоящие в основном из текстов XVIII в. В сборниках первого вида содержатся циклы светского характера, в том числе сатирическо-смеховой, юмористической направленности («фацеции», сатирические повести XVII века, лубочные истории). В композиции сборников этой группы, как правило, нет какого-либо плана, хотя в ряде сборников отдается предпочтение той или иной тематике. В литературных сборниках обращает внимание обособленность «романической» линии, оригинальные и переводные повести образуют либо циклы в составе сборников, либо они объединяются в тематические сборники и, как правило, не смешиваются с традицией.

Сборники религиозно-философские и литературные представляют два разных, но актуальных типа чтения в рукописной книжности XVIII в. Литературные сборники отразили значительное расширение репертуара, растущий интерес читателей к новым темам и сюжетам. Однако не менее важной является и другая тенденция: в условиях формирования новой культуры XVIII в. и взаимодействия ее с культурой традиционной, опирающейся на старые ценности, возрастало количество сборников со статьями старой традиции («душеполезное чтение»). Разделение типов чтения проявляется в том, что сборники религиозного содержания и сборники, включающие новые тексты, существовали параллельно и, как правило, не смешивались.

Динамика состава сборников литературного содержания, их репертуар свидетельствуют об их связи с литературой XVIII в. Не случайно многие литературные сборники напоминают журналы. Некоторые сборники можно назвать летописью литературных интересов читателей и составителей. В сборниках переписывались произведения разных жанров, часто они соседствовали с деловыми и историческими материалами. Прикладной, прагматический аспект проявляется в репертуаре сборников обоих видов. Значение литературных сборников заключалось в том, что они не только отражали, но и формировали новую читательскую аудиторию, вовлекали литературу в частную жизнь.

Связи сборников с литературным процессом XVIII в. выражаются как в переписывании статей из печатной литературы, так и в том, что рукописные сборники оказывали влияние на литературу демократического направления XVIII в. В работе рассматривается специфика художественного повествования в произведениях М. Комарова («Жизнь Ваньки Каина») и М. Чулкова («Пересмешник»), выявляются связи демократической прозы с рукописной традицией на разных уровнях повествовательной структуры, отмечается ряд художественных особенностей, отсылающих к рукописным сборникам. Появление в печатной литературе второй половины XVIII в. сборников (издания Н. Г. Курганова, М. Д. Чулкова, В. А. Левшина, И. Новикова), в том числе новеллистических, было подготовлено многовековой рукописной традицией. В романе М. Комарова выделяются образы и стилистические средства, характерные для демократических повестей XVII в., которые активно переписывались в поздних сборниках. В повествовательной структуре сочинения М. Комарова просматривается жанровый прототип сборника, который был использован в плодотворной попытке создания национальной романной формы. В романе М. Д. Чулкова «Пересмешник, или Словенские сказки» связь с рукописным сборником проявляется в системе «автор – читатель». Просьба к читателю извинить погрешности напоминает записи переписчиков на сборниках, а выражение «чтец ... писец» является культурной реминисценцией, отсылающей к рукописной традиции, именно там читатель, составляющий сборник для себя, является создателем ансамбля. Как было показано в анализе поздних литературных сборников XVIII в., авторское начало в ряде случаев выражено достаточно ярко. Последнее наблюдение во многом объясняет те своеобразные отношения между автором и читателем, которые определяют специфику художественного повествования в романе «Пересмешник».

Третью группу представляют сборники, в составе которых переписаны произведения старой традиции («душеполезное» чтение) и новые произведения из печатных и рукописных книг XVIII в., а также материалы прикладного характера. Литературная традиция такого типа отражена в одном из первых сборников подобного рода, в сборнике первой четверти XVIII в. РНБ О.XVII.57, в котором

переписана «Повесть о бражнике». Читатели сборников этой группы занимали позицию срединную: не чуждые новым веяниям, они не видели в смешении старого и нового непримиримого противоречия. Сборники этой группы разделяются на виды: сборники, в которых наряду с текстами религиозными и светскими встречаются произведения из печатной литературы XVIII в.; сборники-конволюты.

Как показывает анализ содержания сборников этой группы, картина сосуществования статей из области «душеполезного» чтения и новых произведений XVIII в. не так однозначна. Если исключить конволюты и рассматривать только сборники, выполненные одним почерком, то число таких сборников будет невелико. Сравнительно небольшое число сборников третьей группы является свидетельством консервативности, устойчивости вкусов читателей XVIII в., что подтверждается также и популярностью сборников, продолжающих традиции XVII в. Новая секуляризованная художественная литература XVIII в., в отличие от «обмирщенной» литературы XVII в., чрезвычайно избирательно вовлекалась в сборники, основу которых составляла старая четья традиция.

В поздней рукописной традиции «Повесть о бражнике» переписывалась в сборниках первой группы (религиозно-философского содержания), в сборниках второй группы (четьих сборниках старой традиции).

В главе пятой **«Сборники поздней рукописной традиции как народная книга»** рассматривается художественное своеобразие сборников второй трети XVIII – XIX вв., содержащих «Повесть о бражнике»

В первом разделе **«Черты народной книги в рукописных сборниках»** описана среда бытования сборников с «Повестью о бражнике», раскрывается содержание сборников, выявляются принципы циклизации статей.

Поздние сборники, содержащие повесть, имеют записи, свидетельствующие об их принадлежности «служителю лейб-гвардии прапорщика», «копиисту вотчинной коллегии» (РНБ О.XVII.57), «купецкому сыну» (Тит. 3348); «купцу» (БАН 13.6.8, ГИМ Сок. 15), «слутскому крестьянину» (ПОКМ 11907/18), «пономарю» (БАН 4.3.16), «попову сыну» (НБУВ 533), «вахмистру» (БАН Тек.

пост. 506), «сержанту пехотного полка» (РНБ Тит. 2007), «посацкому человеку» (ГИМ Музейск. 2638; РНБ Q.1.1041, РГБ ф. 299 № 399; РНБ О.XVII.57), «золотых дел мастеру» (МИРА 45). Этот перечень указывает на социальную среду, в которой переписывались и читались сборники: посадское население, относящееся к податному сословию, средний слой духовного сословия, приказные. Сборники с «Повестью о бражнике» содержат также значительное количество записей о переписке книг, об их миграции, оценочные и памятные записи, комментарии.

«Повесть о бражнике» в XVIII–XIX вв. переписывалась преимущественно в сборниках старой четвѣй традиции. Она лишь дважды встречается с произведениями круга демократической сатиры в сборниках РНБ О.XVII.57 первой четверти XVIII в. и ПОКМ 11907/18 середины XVIII в. Другие сборники относятся к старейшему типу сборника, в котором традиция не уступает места произведениям XVII и XVIII в.

Эти сборники представляют большой интерес с точки зрения социальной психологии читателей и составителей, взгляды и представления которых нашли отражение в принципах подбора статей, их репертуаре, в отношении к текстам. Жития святых, слова и поучения являются неотъемлемой частью поздних рукописных сборников. В сборниках с «Повестью о бражнике» переписаны Житие и чудеса св. Николая Мирликийского, «Мучение Кирика и Улиты», «Житие Матроны Солунской», «Житие Параскевы-Пятницы», «Житие царя Константина и матери его Елены», «Житие св. Варвары», «Житие Алексея человека Божия», духовный стих об Алексее человеке Божиим и др. Жития святых занимали важное место в повседневном чтении периода средневековья, народный идеал христианского подвижничества нашел отражение в духовных стихах, источниками которых были жития. «Житийный текст» поздней рукописной традиции отразил одну из граней феномена русской святости, как особой традиции духовной жизни ²³. Слова и поучения, особенно распространенные в поздней рукописной традиции, касаются насущных проблем

---

²³ Федотов Г. Святые Древней Руси. М., 1991.

верующего человека («О премудрости о наказании чад отцем своим», «О покаянии», «Како подобает христианом жити» и др.). Интерес читателей к вопросам христианской этики обусловлен прагматической направленностью этого пласта рукописной книжности, слова и поучения имеют прямое отношение к повседневной жизни. Непреходящий интерес читателей к житиям, словам и поучениям был обусловлен многовековой традицией, которая отразила стремление к идеалу и «нормативному идеалу» (термин В. П. Адриановой-Перетц) христианской жизни.

Наряду с житиями, словами и поучениями, в составе поздних сборников представлены апокрифы: «Беседа трех святителей», «Сказание о 12 пятницах», «Хождение Богородицы по мукам», «Свиток Иерусалимский», «Сны Богородицы», «Страсти Христовы», «Сны Мамера». Если сравнить этот репертуар с более ранними сборниками, очевидно, что в поздней традиции сохраняется преемственность этого круга памятников. Об отражении в этих апокрифах народно-религиозного мирозерцания писали В. Н. Мочульский, А. В. Рыстенко, М. В. Рождественская, Л. С. Соболева и другие исследователи.

Народное восприятие образа Параскевы-пятницы и Богородицы также проявилось в сборниках с «Повестью о бражнике». Так, в составе сборника ГПНТБ СО РАН Тих. 69 (Грузд. 140), кроме «Повести о бражнике», переписаны «Сон Богородицы», «Сказание о 12 пятницах», молитва Богородице. Образ Пятницы-Богородицы в обрядах и фольклоре связан также с брачной темой. В этом плане интересен состав сборника БАН 45.8.181, включающий «Сон богородицы», «Повесть о бражнике», «О 12 пятницах», заговор «о сохранении верности супругов». Богородичный цикл выделяется в сборнике РГБ ф. 299 № 8: «Тропарь на Благовещение Богородицы», «Сны Богородицы» (5 текстов), «Тропарь на зачатие пресвятой Богородицы», явление иконы Богородицы, в том же сборнике «Сказание о 12 пятницах», «Епистолия о неделе».

В цикле сборника ГИМ Муз. № 1628 представлены статьи, посвященные св. Варваре: «Кондаки и икосы похвальные святыи великомученице Варваре», «Тропари и молитвы св. великомученице Варваре», «Венец о двенадесяти звезд

св. Варваре и молитвы к ней о крайнем доброй смерти даре», «Житие и страдание св. великомученицы Варвары», «Мучение св. великомученицы Параскевы-пятницы», «Сон Богородицы», «Свиток Иерусалимский», «О 12 пятницах». В этом сборнике нет владельческой записи, однако, принимая во внимание роль Параскевы-пятницы и св. Варвары в народном христианском календаре, можно предположить, что он был составлен читательницей. Присутствие в сборнике «Сна Богородицы» подчеркивает функцию этого цикла как «оберега».

Таким образом, в сборниках поздней рукописной традиции сохраняется индивидуальные предпочтения статей, столь характерные для древнерусского четьего сборника, в то же время в них сосредоточены произведения, которые отражают глубинные мировоззренческие стороны народного религиозного сознания. В рассмотренных апокрифах представлен тот особый тип видения мира и человека, который сформировался в процессе рецепции и толкования христианских представлений. Этот тип сборника сложился в процессе историко-культурного отбора в рукописной традиции, истоки этой традиции можно обнаружить в XVII в.

Преемственность сборников с «Повестью о бражнике» обусловлена сохранением доминантных компонентов ансамбля, в статьях поздних сборников прослеживается внимание к тем же проблемам, которые определяли циклы сборников XVII в. «Повесть о бражнике» является органической частью комплекса апокрифических произведений и морально-этических статей. Она вошла в этот круг произведений как вариант светского, неортодоксального решения проблемы греха и воздаяния, в ней произошло объединение двух традиционных для русской религиозно-церковной литературы тем: о пьянстве (бражник – тип, олицетворение порока) и о вхождении в рай, а интерпретация проблемы отразила критическое отношение к догмам. Эволюция повести в сборниках XVIII–XIX вв. показывает, что в ряде списков она испытала влияние учительной литературы, поэтому главный герой в ряде списков последовательно

приближался к типу кающегося грешника. Эмоционально окрашенное покаяние нередко становится мотивировкой этического разрешения конфликта.

Анализ системы функционирования сборников с «Повестью о бражнике» второй половины XVIII – XIX вв. (социальный состав владельцев и переписчиков рукописей, репертуар произведений, их проблематика, «фольклорный» способ бытования произведений в сборниках), а также отражение религиозно-народного мирозерцания, моральных, этических народных представлений позволяет определить их специфику. Сборники поздней рукописной традиции, содержащие повесть, обрели статус народной книги в историко-литературном контексте XVIII–XIX вв.

Ф. И. Буслаев и другие ученые XIX в. народными книгами называли рукописные сборники, популярные в народной среде, лубочные листы и произведения народной словесности. Известно, что в немецкой литературе народная книга – это печатные сборники для занимательного чтения XV–XVI в., которые выходили в свет без указания авторов. Эта массовая литература имела разные источники (переделки рыцарских романов, анекдоты, шванки, сказки и др.). Нет сомнения в том, что когда речь идет о народной книге, то в каждом случае следует учитывать культурно-исторические условия, определившие ее формирование и бытование. Анализ сборников поздней рукописной традиции в ее основных группах и видах позволяет сделать вывод о том, что в русской литературной культуре сложился свой вариант народной книги – рукописный сборник, истоки и традиции которого восходят к древнерусскому четъему сборнику. Ранний этап четъего сборника как народной книги связан с XVII в., когда произошло расширение социальной сферы литературы, однако и эти сборники донесли репертуар сборников-прототипов более ранних периодов.

Поздние сборники, в которых ставились и по-своему решались религиозно-нравственные проблемы, отразили и закрепили выработанные веками этические и эстетические представления, так как утверждали ценности поистине мирового масштаба, приближенные к человеку путем многократной переписки. Они удовлетворяли насущную потребность в идеале, напоминали о нормах

христианского поведения, направляли и поддерживали человека в его повседневной жизни. Генезис народной книги как сборника отразил сложившееся в течение веков отношение русского человека к книге – источнику вечных истин. Переписка сборника, его составление – акт индивидуальный, творческий в пределах соборного сознания. Создание сборника, подбор произведений, нужных и интересных только для составителя, делает книгу особенной, придает ей индивидуальный облик. Переписывая книгу, используя все виды памяти – слуховую, зрительную, ассоциативную, создатель сборника вовлекал написанное, то есть уже определенным образом освоенное более глубоко и пережитое, в сферу нравственного опыта. Вот почему такую ценность представляют сборники, сохранившие записи владельцев, отражающих историческую память семьи (например, сборник ТФ ГАТО № 140). А сборники, принадлежащие крестьянам, жителям посада, другим представителям «средних чинов», свидетельствуют о системе ценностей народной культуры.

Рукописные сборники с «Повестью о бражнике» представляют один из вариантов народной книги наряду с другими видами сборников, популярных в народной среде, и лубком. Такое определение с наибольшей полнотой отражает художественное своеобразие рассмотренных сборников и объясняет особенности эволюции текста повести в сборниках XVIII–XIX вв.

Тема пятой главы развивается во втором разделе *«Народные книги из собрания Ф. И. Буслаева»*, посвященном художественным особенностям иллюминированных сборников, хранящихся в собрании Ф. И. Буслаева (РНБ). Рассматриваются примеры интерпретации художественных образов в миниатюрах народными художниками. Авторские интерпретации традиционных сюжетов миниатюр придают неповторимый колорит лицевым сборникам из собрания Ф. И. Буслаева, ярким образцам народной иллюминированной рукописной книги. Отмечается, что функции миниатюры включали эстетическое, просветительское, воспитательное и психологическое воздействие. Анализируются характерные особенности художественного стиля миниатюр в сборниках О.И.425, О.И.428, Q.И.1145, Q.И.1160, бытовавших в народной среде. В

частности, рассматриваются миниатюры к Лицевой Библии, изображающие Творца мира в сборнике О.І.425 (композиция, тип очерка, цветовая гамма). Каждый сборник имеет свое лицо, но их объединяет общая черта – творческое отношение к канону, порой с разной степенью мастерства, но своеобразно передающее представления народных художников о тексте в иллюстрациях, определенное единство метода, близкого к лубку и примитиву.

В третьем разделе *«Печатные книги для народного чтения»* рассмотрена полемика о народных книгах в критике 60-х г. XIX в., в которой проявилось характерное для своего времени стремление просвещать народ с помощью специально созданной для этой цели печатной народной книги. Своеобразие рукописных сборников как народной книги, отразившей религиозно-народное мирозерцание, особенно ярко проявляется в сопоставлении с печатной книгой для народного чтения. Рассмотрены статьи А. Н. Пыпина, Н. Щербины, Ф. М. Достоевского, посвященные проектам создания книги для народа. В размышлениях критиков и писателей отразились их представления о народной жизни и круге чтения простого народа.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы.

Исследование эволюции четьего сборника в историко-литературном контексте XVII–XVIII вв. позволило выявить закономерности его развития в новых условиях литературы «переходного» XVII в. и литературы XVIII в. Истоки рассмотренного вида сборника уходят в четью традицию XV–XVI вв., в среду образованных книжников. В процессе бытования сборник сохранил свои доминантные характеристики, в поздней рукописной традиции он приобрел функции народной книги.

Четий сборник в литературе XVII–XVIII вв. является особой системой, в которой контекст творчества и контекст восприятия представлены в диалектическом единстве. В создании сборника как уникального ансамбля проявляется особый вид творческого начала, характерный для риторической эпохи «готового слова». Творческое начало в средневековой литературе воплощалось в жанровых

канонах, организующих всю систему литературы как целое. Четый сборник является метажанром, имеющим свои функции и предназначение; он изменяет свои параметры во времени, но сохраняет доминантные характеристики. В то же время в сборниках XVII в. проявляются черты, характерные для литературы Нового времени. Рукописные сборники XVII–XVIII вв. отразили новое отношение к литературе, представленное в разных формах: от «вторичных» читательских циклов до «авторских» концептуальных сборников.

Анализ системы функционирования сборников (социальный состав владельцев и переписчиков рукописей, репертуар произведений, их проблематика и особенности циклизации, «фольклорный» способ бытования произведений в сборниках) позволил определить их специфику. Сборники поздней рукописной традиции сосредоточили в своем составе круг произведений, отражающих религиозно-народное мирозерцание, моральные, этические народные представления. Эти сборники являются одним из видов народной книги.

Сборники, отразившие народные религиозные представления, сохранили наследие древнерусской четьей традиции, они имели практическое, «жизнестроительное» начало. Каждый сборник представляет лишь фрагмент общей картины, однако в многообразии всех своих видов народная книга отразила противоречия, ценности, идеалы и память народной культуры.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Фокина, О. Н. «Душеполезное чтение» в типологической системе рукописных сборников XVIII в. / О. Н. Фокина // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия : История, филология. – 2002. Т. 1, вып. 1 : Филология. – С. 13–22.

2. Фокина, О. Н. Памятники новой городской литературы в системе рукописных сборников XVII века / О. Н. Фокина // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Серия : Гуманитарные науки. – 2004. – № 2. – С. 78–83.

3. Фокина, О. Н. «Записи» в контексте рукописных сборников XVIII в. / О. Н. Фокина // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия : История, филология. – 2004. Т. 3, вып. 1 : Филология. – С. 71–83.

4. Фокина, О. Н. Новые тексты в системе рукописных сборников смешанного состава XVII в. / О. Н. Фокина // Сибирский филологический журнал. – 2004. – № 2. – С. 32–41.

5. Фокина, О. Н. Читатель рукописных сборников XVIII в. как звено литературной коммуникации / О. Н. Фокина // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия : История, филология. – 2005. Т. 4, вып. 1 : Филология. – С. 99–105.

6. Фокина, О. Н. «Повесть о бражнике»: проблемы происхождения и интерпретации / О. Н. Фокина // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия : История, филология. – 2006. Т. 5, вып. 2 : Филология. – С. 9–23.

7. Фокина, О. Н. Роман М. Д. Чулкова «Пересмешник»: специфика художественного повествования / О. Н. Фокина // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия : История, филология. – 2007. Т. 6, вып. 2 : Филология. – С. 68–74.

8. Фокина, О. Н. Специфика художественного повествования в романе М. Комарова «Жизнь Ваньки Каина» / О. Н. Фокина // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия : История, филология. – 2008. Т. 7, вып. 2 : Филология. – С. 88–92.

Монографии и учебное пособие

9. Фокина, О. Н. Литературная история «Повести о бражнике» и проблемы народной книги: текст и контекст / О. Н. Фокина; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 1995. – 235 с.

10. Фокина, О. Н. «Повесть о бражнике» в рукописных сборниках XVII – начала XIX в.: текст и контекст / О. Н. Фокина; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2008. – 382 с.

11. Фокина, О. Н. Барокко, классицизм, сентиментализм : учеб. пособие к курсу «История русской литературы XVII–XVIII вв.» / О. Н. Фокина; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2006. – 144 с.

Научные публикации в других изданиях

12. Фокина, О. Н. Проблемы бытования сборников с «Повестью о бражнике» / О. Н. Фокина // Материалы XXIV Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» : Филология. – Новосибирск : НГУ, 1986. – С. 52–64.

13. Фокина, О. Н. Бытование «Повести о бражнике» в сборниках XVII в. / О. Н. Фокина // Русская книга в дореволюционной Сибири: Распространение и бытование : сб. науч. тр. – Новосибирск : ГПНТБ СО АН СССР, 1986. – С. 18–43.

14. Фокина, О. Н. Тобольские списки «Повести о бражнике» / О. Н. Фокина // Археография и изучение духовной культуры: III Уральские Археографические чтения : тез. докл. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1986. – С. 27.

15. Фокина, О. Н. Бытование «Повести о бражнике» в демократических сборниках XVIII–XIX веков / О. Н. Фокина // Русская книга в дореволюционной Сибири: Государственные и частные библиотеки : сб. науч. тр. – Новосибирск : ГПНТБ СО АН СССР, 1987. – С. 75–97.

16. Фокина, О. Н. Археографический обзор списков «Повести о бражнике» / О. Н. Фокина // Русская книга в дореволюционной Сибири: Фонды редких книг и рукописей сибирских библиотек: сб. науч. тр. – Новосибирск : ГПНТБ СО АН СССР, 1988. – С. 137–163.

17. Фокина, О. Н. Жанровое своеобразие «Повести о бражнике» / О. Н. Фокина // Проблемы литературных жанров. Материалы VI научной межвузовской конференции 7–9 декабря 1988 г. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1990. – С. 24–25.

18. Фокина, О. Н. Записи и пометы на книгах гражданской печати из собрания Тобольского государственного музея-заповедника / О. Н. Фокина // Вторые Макушинские чтения : тез. докл. науч. конф. 23–24 мая 1991 г. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 1991. – С. 43–44.

19. Фокина, О. Н. Древнерусские сборники поздней рукописной традиции. Проблема народной книги / О. Н. Фокина // Русская книга в дореволюционной

Сибири: Археография книжных памятников : сб. науч. тр. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 1996. – С. 40–51.

20. Фокина, О. Н. Мотив обретения рая в немецкой и русской литературе XVI–XVII вв. / О. Н. Фокина // Книга и литература : сб. науч. статей. – Новосибирск, 1997. – С. 237–249.

21. Фокина, О. Н. Поэтика «литературы посада» XVII в. / О. Н. Фокина // Гуманитарные исследования: итоги последних лет : сб. тез. науч. конф., посвященной 35-летию гуманитарного факультета НГУ. – Новосибирск : НИИ МИОО НГУ, 1997. – С. 165–167.

22. Фокина, О. Н. Жанровые интерпретации «Повести о бражнике» в контексте рукописных сборников XVII–XVIII вв. / О. Н. Фокина // Проблемы литературных жанров: Материалы X Международной научной конференции (15–17 октября 2001 г.). – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. Ч. 1. – С. 16–21.

23. Фокина, О. Н. Народные книги из собрания Ф. И. Буслаева / О. Н. Фокина // Филолог : Журнал общества православной культуры НГУ. – 2002. – № 3. – С. 28–35.

24. Фокина, О. Н. Записи читателей, составителей и владельцев рукописных сборниках традиционного содержания XVIII века / О. Н. Фокина // Шестые Макушинские чтения : тез. докл. науч. конф. 22–23 мая 2003 г. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2003. – С. 83–84.

25. Фокина, О. Н. Рукописные сборники XVIII века: проблемы исторической типологии / О. Н. Фокина // Книга и литература в культурном контексте : сб. науч. тр. – Новосибирск, 2003. – С. 243–262.

26. Фокина, О. Н. Вкладные записи на рукописных и печатных книгах XVII в.: этикетная формула и индивидуальный стиль / О. Н. Фокина // Τέχνη γραμματικῆ (Искусство грамматики) : сб. науч. тр. Вып. 1. – Новосибирск, 2004. – С. 525–530.

27. Фокина, О. Н. Тобольские рукописные сборники XVIII в. и их место в системе рукописной книжности (типологическая характеристика) / О. Н. Фокина // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII – XIX веков. К 360-

летию со дня рождения С.У. Ремезова (1642–2002). – Тобольск, 2005. – С. 217–229.

28. Фокина, О. Н. Рукописный сборник смешанного состава в системе литературы XVIII в. / О. Н. Фокина // Τέχνη γραμματικῆ (Искусство грамматики) : сб. науч. тр. Вып. 2. – Новосибирск, 2006. – С. 617–631.

29. Фокина, О. Н. Рукописные сборники религиозного содержания в системе русской литературы XVIII–XIX в. / О. Н. Фокина // Провинция в русской культуре. II Ремезовские чтения 2005. – Новосибирск, 2008. – С. 197–217.

30. Фокина, О. Н. Автор и читатель в повествовательной структуре романа М. Комарова «Жизнь Ваньки Каина» / О. Н. Фокина // Литература Урала: История и современность: сб. статей. – Екатеринбург : ИД «Союз писателей», 2007. – Т. 2, вып. 3. – С. 343–351.